

ДОН НИГРО

ТРАНСИЛЬВАНСКИЕ
ЧАСЫ

Дон Нигро

Трансильванские часы

«Автор»

1996

Нигро Д.

Трансильванские часы / Д. Нигро — «Автор», 1996

Дон Нигро «Трансильванские часы/ Transylvanian Clockworks». Семь актеров (3 женские и 4 мужские роли). Пьеса, основанная на романе Брэма Стокера «Дракула», да только по мнению драматурга злодей совсем не Дракула, а само общество и его главный защитник Ван Хелсинг, который никому не позволяет отступить от заведенных в обществе правил. И наказание – смерть.

© Нигро Д., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Действующие лица	5
Декорация	6
Действие первое	7
Картина 1	7
Картина 2	8
Картина 3	10
Картина 4	13
Картина 5	16
Картина 6	18
Картина 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дон Нигро

Трансильванские часы

Действующие лица

ДЖОНАТАН ХАРКЕР
ДОКТОР ВАН ХЕЛСИНГ
ДОКТОР ДЖЕК¹ СЬЮАРД
ДРАКУЛА
ЛЮСИ ВЕСТЕНРА
ПЕГ – служанка
МИНА ХАРКЕР

¹ В оригинале доктора Сьюарда зовут Джон. Но в Англии Джон и Джек зачастую синонимы, поэтому другие персонажи называют его Джек. Чтобы не было путаницы, позволяю себе сразу назвать его Джеком.

Декорация

Лондон и Трансильвания, 1888 г. Кабинет, скамья в парке, замок, спальня, гостиная, сад, окна и решетка, отдельные предметы мебели: диван, стол, стулья, кровать. Нет отдельных частей сцены, лондонской и трансильванской, одна и та же мебель может представлять сначала одно место, потом другое, как указано в различных картинах. Все места и персонажи находятся на сцене одновременно, персонажи могут связываться друг с другом из различных моментов пространства-времени. Палитра звуков – голуби, волки, ветер, стоны, колыбельная и песня – создается персонажами, как указано. Темнота и тени превалируют. Персонажи легко перемещаются из одной картины в другую без затемнений. Плавность и легкость перемещений абсолютно необходимы. Нет перестановок декораций и пауз между картинами. Каждое действие – непрерывное движение. Не один актер не выходит из роли в темноте, чтобы добраться до того места, где должен участвовать в следующей картине. Обычно к началу они уже на месте, перейдя раньше по какой-то причине, не выходя из роли и на глазах у зрителей. Декорации не двигаются – только актеры. Движение пьесы – всегда неотъемлемая часть пьесы.

Действие первое

Картина 1

(Затемненная сцена, тикающие часы. Очень тихо голос девушки поет «Лондонский мост/London Bridge». Актеры появляются один за другим, с разных сторон, не спеша, заполняя сцену, как элементы пазла. ХАРКЕР в кабинете, СЬЮАРТ и ВАН ХЕЛСИНГ на скамье в парке. ЛЮСИ, ПЕГ и МИНА в гостиной, позируют для фотографии, позирование повторяется и позже. ДРАКУЛА появляется последним, скромно одетый господин средних лет, и начинает накрывать стол на одного: стакан для вина, бутылка вина, хлеб, тарелка с курицей под крышечкой. Он продолжает сервировать стол, когда ХАРКЕР начинает говорить).

ХАРКЕР. Переход от тьмы к свету, земля за лесами, где везде многоцветье фруктовых деревьев, апельсиновых, яблонь, слив, груш и вишен, зеленая трава под яблонями, скальные выступы, порабощенные сорняками, нежно-розовые цветы у дорожных перекрестков, белые стволы берез, сверкающие в нарождающейся листве, переход от света к тьме. *(Ветер, едва слышимые стоны, вой волков, смех, все звуки издаются актерами, никаких записей. Дракула в это время откидывает одеяло на кровати).* Она дала мне крестик, который я повесил на шею, произнесла слово, которое я забыл, провела пальцами по груди, пошутила насчет зеркал на потолке, спросила, известно ли мне, что это за день, потом объяснила, что этой ночью, когда часы возвестят о приходе полуночи, все зло этого мира выплеснется наружу, и что мы тогда будем делать?

(ДРАКУЛА с грустью смотрит на трех женщин, затем тихо уходит под последние предложения монолога ХАРКЕРА, мимо Сьюарда и Ван Хелсинга, с которыми обменивается дружескими кивками. Голуби воркуют).

Картина 2

(ВАН ХЕЛСИНГ и СЬЮАРД на скамье в парке. ВАН ХЕЛСИНГ кормит голубей. Голуби воркуют).

ВАН ХЕЛСИНГ. Получай, голубь, получай. Получай, голубь. И как сегодня ваш друг Харкер?

СЬЮАРД. Трудно сказать. По большей части кажется совершенно здоровым. Но стоит мне сказать что-то не то, начинает плакать и вновь ловит мух.

ВАН ХЕЛСИНГ. Любопытно.

СЬЮАРД. Иногда я думаю, что он – виртуозный лжец.

ВАН ХЕЛСИНГ. Пользы от этого немного. Лучше предположить, что он говорит правду, и посмотреть, что за этим последует.

СЬЮАРД. Он ездил в Трансильванию. Я проверял.

ВАН ХЕЛСИНГ. С какой целью?

СЬЮАРД. Подписывал договора о продаже старых домов в Лондоне.

ВАН ХЕЛСИНГ. И до отъезда никаких отклонений в нем не замечалось?

СЬЮАРД. Дома, возможно, были какие-то нелады. Но, думаю, ничего серьезного. Его семья мне близка. Я очень хочу ему помочь.

ВАН ХЕЛСИНГ. Ага, я чувствую эмоциональную вовлеченность. В семье есть красивая женщина?

СЬЮАРД. Да. Если на то пошло, две или три.

ВАН ХЕЛСИНГ. Это только способствует путанице. А мы уже в лабиринте. Необходима максимальная отстраненность. Ты знаешь. Я тебя этому учил.

СЬЮАРД. Да, знаю. И подумал, а может, вы сами захотите разобраться, что к чему.

ВАН ХЕЛСИНГ. Послушай, не хочу я отнимать у тебя пациентов.

СЬЮАРД. Я не приношу ему пользы. Но он может отреагировать на вас. Я не знаю, что еще мне с ним делать.

ВАН ХЕЛСИНГ. Ты устал. Слишком много раздумий и бессонница, да?

СЬЮАРД. Есть такое.

ВАН ХЕЛСИНГ. Если хочешь, могу предложить лекарство, которое поможет тебе уснуть. Мой собственный рецепт.

СЬЮАРД. Я так мало могу сделать для этих людей. Все впустую.

ВАН ХЕЛСИНГ. Ты скорбишь не о них. Ты скорбишь о себе. Желания принесут боль.

СЬЮАРД. Вы стреляный воробей.

ВАН ХЕЛСИНГ. Много чего пришлось повидать.

СЬЮАРД. Вы видите всё. Всегда видели. Вы – единственный здравомыслящий человек, которому я доверяю. Иногда я выхожу из сумасшедшего дома и чувствую, что попал на территорию врага.

ВАН ХЕЛСИНГ. Вероятно, так оно и есть. Возьми отпуск. Придет день, когда ты найдешь себя, глядя наружу.

СЬЮАРД. Вы можете мне с Харкером?

ВАН ХЕЛСИНГ. Я старею. Сажу в парке, смотрю на голубей, голуби – на меня. Ночью слышу хлопанье крыльев. Черный ангел за окном. Может, я забыл, как это делается.

СЬЮАРД. Вы – лучший в мире, и слишком добры, чтобы ответить «нет».

ВАН ХЕЛСИНГ. Старики только кажутся великодушными. Внутри мы ищем свою, личную правду, как безумцы. Старей медленно, Джек. Бог лишает разума. Вот птички. Послушай

их. Дети вечера. Какую они создают музыку. Как изящно ходят, словно беременные женщины. И никому их не понять. Крошки закончились. Бедные птички.

(Смеется, добродушно, но с налетом грусти, улыбается СБЮАРДУ, опирается рукой на плечо, встает. Они идут к ХАРКЕРУ. Голуби воркуют).

Картина 3

(Кабинет: ХАРКЕР, СЬЮАРД и ВАН ХЕЛСИНГ).

СЬЮАРД. Ты знаешь доктора Ван Хелсинга, Джонатан. Он был моим учителем и приехал из Амстердама, чтобы повидаться с нами.

ВАН ХЕЛСИНГ. Добрый день, мистер Харкер. Как вы?

СЬЮАРД. Он – хороший человек, Джонатан. Ты можешь ему доверять.

ВАН ХЕЛСИНГ. Во всяком случае, Джек так думает. У меня есть сомнения. Он немножко рассказал мне о вас. Я нахожу вашу историю очень интересной.

ХАРКЕР. Это означает, что вы мне не верите.

ВАН ХЕЛСИНГ. Нет у меня оснований не верить вам. Но мне нужно знать больше. Почему бы вам ни рассказать всё, а потом, возможно, я сумею вам помочь. (ХАРКЕР молчит. ВАН ХЕЛСИНГ и СЬЮАРД переглядываются. ВАН ХЕЛСИНГ сидит на столе рядом с ХАРКЕРОМ и начинает набивать трубку табаком). Я считаю блестяще образованным человеком, знаете ли. У меня столько дипломов, что я потерял им счет. Я знаю всё о том, чего Джек никогда не слышал и, возможно, не захочет ничего услышать, во всяком случае, большую часть, но если честно, всё это образование только усугубляет мое невежество, Джонатан, так что, вы где-то и правы, не доверяя мне. Но в одно я верю. Я верю, что Господь поможет нам победить любое зло. В это я верю, Джонатан. Искренне верю. И единственное оружие, которое есть у нас, бедных, невежественных профанов – это правда. Мы должны быть очень смелыми и очень осторожными, чтобы всегда говорить правду, как мы ее понимаем, или у нас не будет ни единого шанса. Теряя правду, мы теряем то, что делает нас свободными, а потом вновь воцаряется хаос.

(Раскуривает трубку, выдыхает дым, терпеливо улыбаясь, доброжелательно смотрит на ХАРКЕРА, который на мгновение встречается с ним взглядом, а потом отводит глаза).

ХАРКЕР. Они не хотят правды. Они называют тебя безумцем и сажают под замок.

ВАН ХЕЛСИНГ. Или заставляют принять яд, или распинают. Да, я знаю, что происходит с теми, кто говорит правду. Мы держимся за посредственность с дерьмом во рту, и бросаем камни в пророка с медом и вином. Здравомыслие изобретено мертвыми маньяками. Но мы в любом случае должны искать правду. И какой мы делаем выбор?

ХАРКЕР. Вы думаете, я безумец.

ВАН ХЕЛСИНГ. Наоборот. Может, Джек полагает вас безумцем, но, если это так, я думаю, он ошибается. Мне представляется, что вы боитесь, а бояться вы не должны.

ХАРКЕР. Я вам не верю.

ВАН ХЕЛСИНГ. Я говорю правду, а вы мне не верите. Вы такой же, как люди, записавшие вас в безумцы. Скажите мне правду, и мы снимем этот диагноз.

ХАРКЕР. Не сможете вы его снять.

ВАН ХЕЛСИНГ. Я не знаю, смогу или нет, пока вы не расскажите мне свою историю. Посмотрите на меня, Джонатан. Я вам лгу? Я похож на других людей?

ХАРКЕР (смотрит на него. После паузы). Нет. Не похожи вы на других людей.

ВАН ХЕЛСИНГ. Тогда расскажите, чего вы боитесь. Расскажите. Чего?

ХАРКЕР. Снаружи. Заглядывает внутрь.

ВАН ХЕЛСИНГ. Кто? Где?

ХАРКЕР. На дождливых улицах, кровоточат. Те, кого прокусывают. Юные, нежные, их высасывают, и они пропадают.

ВАН ХЕЛСИНГ. Высасывают что? Кто это делает? Тот, кого вы встретили в вашем путешествии? О чем вы говорите? Конкретнее?

ХАРКЕР. Извилистая.

ВАН ХЕЛСИНГ. Что?

ХАРКЕР. Там, куда я ездил.

ВАН ХЕЛСИНГ. Дорога?

ХАРКЕР. Да.

ВАН ХЕЛСИНГ. Понятно. Опишите ее. Направление?

ХАРКЕР. Вверх. К гребню.

ВАН ХЕЛСИНГ. Чего? Холма? Горы?

ХАРКЕР. И звуки. Внутри движение взад-вперед.

ВАН ХЕЛСИНГ. Внутри чего? Какого-то транспортного средства? Кареты? Куда вы ехали?

ХАРКЕР. Пятнышко света, с обеих сторон высокая трава, словно согнутые руки, покачивание взад-вперед, движение сквозь тьму, и все мокрое.

ВАН ХЕЛСИНГ. Где? В каком месте?

ХАРКЕР. На перекрестке дорог, сказала нянька, сверток на земле, волки и синее пламя, болезненные ощущения от ночной поездки. Я лгу?

ВАН ХЕЛСИНГ. Я так не думаю. Лжете?

МИНА (*из спальни, тихо*). Джонатан.

ХАРКЕР. Мертвые путешествуют быстро. Мина здесь?

ВАН ХЕЛСИНГ. Кто?

ХАРКЕР. Я видел пустые комнаты. Мина?

ВАН ХЕЛСИНГ. Кто такая Мина?

СЬЮАРД. Его жена.

ХАРКЕР. Где она? В мясной лавке?

СЬЮАРД. Чуть позже она придет, чтобы повидаться с вами.

ВАН ХЕЛСИНГ. Где пустые комнаты?

ХАРКЕР. В замке. Что это за запах? Ваша одежда чем-то пахнет?

ВАН ХЕЛСИНГ. Я моюсь каждый день. Если вы хотите увидеть Мину, расскажите нам о замке с пустыми комнатами. Продолжайте.

ХАРКЕР. Возница помогает мне спуститься на землю. (*Становится темнее. Слышен слабый ветер и стоны, невнятный шепот*). Его руки большие и холодные, моя рука в том месте, которого он коснулся, холодеет и зудит. Он уходит.

ВАН ХЕЛСИНГ. И где вы?

ХАРКЕР. Я стою в пустом дворе, воет ветер и волки, детство, ночной страх холодит шею, сердце выскакивает из груди, шуршание листьев по брусчатке, и все прекращается. (*Тишина. Потом тихое рыдание*). Далеко в прошлом, в будущем, где-то, что-то похожее на рыдание, мерцание звездного света, я стучу. (*Тихий стук. Рыдание смолкает*). Чем это вы пахните?

ВАН ХЕЛСИНГ. Старыми голландскими печами, табаком и шнапсом, теплым и хорошим, как рождественская ель. Я – ваш друг, продолжайте, продолжайте.

МИНА. Джонатан.

ХАРКЕР. Мне нужна Мина.

СЬЮАРД. Зачем?

ХАРКЕР. Хочу сжать в руке ткань ее одежды. (*Тихий смех ЛЮСИ и ПЕГ*).

ХЬЮАРД. Детство какое-то.

ХАРКЕР. Мне без разницы, что вы об этом думаете. Я хочу сжать в руке ткань ее одежды. За время моей болезни я повзрослел. Знаю, что важно.

ХЬЮАРД. Поэтому вы едите мух, Джонатан?

(*Снова смех. Звуки замка становятся громче*).

ХАРКЕР. Я не ем мух. Вас это не касается.

ВАН ХЕЛСИНГ. Забудем об этом. Расскажите мне о замке.

ХАРКЕР. Мина?

ВАН ХЕЛСИНГ. Джек теряет терпение, Джонатан.

ХАРКЕР. Я больше не хочу быть безумным.

ВАН ХЕЛСИНГ. Это хорошо, потому что я тоже не хочу, чтобы вас считали безумным. Я хочу, чтобы вы вернулись к Мине, поэтому расскажите нам все, что вы знаете о замке. Тогда вы сможете увидеть Мину и сжать в пальцах все, что пожелаете. Договорились?

ХАРКЕР. Нет.

ВАН ХЕЛСИНГ. Джонатан, если вы не расскажете нам, что произошло в замке, доктору Сьюарду придется запереть вас с мужчиной, который думает, что он – орангутанг. Вам это не понравится, Джонатан. Он дерет с вас кожу, как с банана, и вы уже никогда не увидите Мину.

ХАРКЕР. Мне это не нравится.

ВАН ХЕЛСИНГ. Почему она так вам нужна, Джонатан? Готов спорить, я знаю. Что вы делаете с Миной ночью? Что вы с ней делаете ночью?

ХАРКЕР (*расстроено*). Ничего.

ВАН ХЕЛСИНГ. Я вам не верю. Вы думаете, я не знаю, но я знаю, Джонатан. Я – как ваш отец, я знаю все. Я знаю, что происходит у вас в темноте с Миной. Я заглядывал снаружи в окна, да, заглядывал, и теперь расскажите мне о замке, а не то я расскажу об увиденном доктору Сьюарду, и я расскажу всем, и тогда все будут знать, что вы делали с Миной под покровом ночи, когда все спали...

(*Появляется ДРАКУЛА, наблюдает. Звуки замка все громче*).

ХАРКЕР. Я не хочу. Прекратите.

ДРАКУЛА. Добро пожаловать в мой дом.

ВАН ХЕЛСИНГ. Расскажите, Джонатан, расскажите мне.

ДРАКУЛА. Входите без принуждения, по собственной воле.

МИНА. Джонатан.

ВАН ХЕЛСИНГ. Джонатан.

ДРАКУЛА. Оставьте частичку счастья, которую вы принесли с собой.

ВАН ХЕЛСИНГ. Скажите мне, а не то никогда не увидите Мину.

МИНА. Джонатан.

ВАН ХЕЛСИНГ. Доктор Сьюард пойдет к ней вечером, после того, как запрет вас с человеком-орангутангом, и будет всю ночь заниматься с ней тем самым, чем занимались вы, всю ночь.

СЬЮАРД. Доктор Ван Хелсинг, я действительно думаю...

ВАН ХЕЛСИНГ. А ты заткнись. Он здесь. Он почти здесь. Он здесь.

ДРАКУЛА. Я – Дракула, и приглашаю вас войти в мой дом, мистер Харкер.

МИНА. Джонатан.

ВАН ХЕЛСИНГ. Вы никогда больше не ухватитесь ни за нее, ни за ее одежду. Никогда-никогда-никогда.

ХАРКЕР (*закрывает уши руками*). ХОРОШО-ХОРОШО-ХОРОШО-ХОРОШО-ХОРОШО!!!

(*Абсолютная тишина. ХАРКЕР идет к ДРАКУЛЕ, который ждет, пока тот переступит некую черту, невидимый порог, а потом направляется к нему, чтобы поприветствовать гостя*).

Картина 4

(Замок. ХАРКЕР пожимаем протянутую руку ДРАКУЛЫ, затем отдергивает свою руку, словно удивленный холодом, который идет от руки хозяина замка. Тикают часы. Воют волки).

ДРАКУЛА (спокойно, вежливо, чуть с грустью). Пожалуйста, присаживайтесь и отужинайте, будьте так любезны. Прошу извинить, что не составляю вам компанию, но я уже поел, чуть раньше. Пожалуйста, присядьте.

(ХАРКЕР смотрит на него. ДРАКУЛА – приятного вида господин средних лет, с пронизательным взглядом и сдержанными, чуть ироничными манерами. Одет просто, даже консервативно, в его внешности нет ничего гротескного. Это его поведение, достаточно загадочное, и окружающая обстановка, мягко говоря, страшноватая, заставляет ДЖОНАТАНА нервничать).

ХАРКЕР. Вы очень добры. О, вино. Свежий хлеб. Курица. Вы меня ждали.

ДРАКУЛА. Пожалуйста, ешьте. Вы гость. Я – хозяин, берите и ешьте. Ради меня, пожалуйста, насыщайтесь.

ХАРКЕР. Премного вам благодарен.

(Он садится и начинает есть. ДРАКУЛА стоит и наблюдает).

ДРАКУЛА. Я надеюсь, поездка вам понравилась. Растительность иной раз пугает, но в ночи мокрые после дождя дороги определенно красивы. Или вы так не думаете?

ХАРКЕР. Меня напугали волки. Здесь их много.

ДРАКУЛА. Со временем к ним привыкаешь.

ХАРКЕР. Представить себе не могу, как. Отвратительные создания.

ДРАКУЛА (смотрит, как ХАРКЕР ест курицу). Они едят плоть. Как и вы. То, что вас насыщает, убито ради вас. Они убивают сами, такова их природа, вот и все. Живые поедают мертвых. Иногда наоборот. Так кто лучше, мистер Харкер? Вы или волки? Убийство и поедание трупов, тело и кровь, одни очень похожи на других. Как вам курица?

ХАРКЕР (смотрит на курицу). Превосходная.

ДРАКУЛА. Она дохлая.

ХАРКЕР (не зная, как реагировать). Да. Конечно. (ДРАКУЛА наблюдает за ним, ослабленно, но взгляда не отрывает. ХАРКЕР заметно нервничает). Я вижу, у вас много книг.

ДРАКУЛА. Они – мои друзья. Я читаю о вашем городе, Лондоне, где покупаю дома. Мечтаю о запруженных толпой улицах, где смогу затеряться среди тел, постоянно узнавая что-то новое. Здесь перемен так мало. Я – человек влиятельный, знаете ли, дворянин, простые люди знают, кто я, но меня всегда воспринимали другим, хозяином, а потому держались в стороне. Чужак в чужой стране – никто, люди его не знают, а не знать кого-либо, значит, относиться с безразличием. Мой английский нехорош?

ХАРКЕР. Нет, нет, говорите вы очень хорошо. Полагаю, нелегко это, быть мухой на стене тому, что воспринимаешь себя... э... ну... (Он никак не может найти подходящее слово, а ДРАКУЛА смотрит на него, не помогая)... Особенным.

ДРАКУЛА. Да. Особенным. Муха. На окне. Заглядывает внутрь. Снаружи.

(Он улыбается, отчего нервозность ХАРКЕРА только нарастает).

ХАРКЕР. Я не хочу показаться излишне любопытным, но мне интересно, зачем вам столько пустующих старых домов?

ДРАКУЛА. Вы находите это... особенным?

ХАРКЕР. Нет, но...

ДРАКУЛА. У меня много ящиков.

ХАРКЕР. Ящиков?

ДРАКУЛА. Вы пробудете у меня достаточно долго, там, мистер Харкер?

ХАРКЕР. Не уверен, что...

ДРАКУЛА. Это хорошо.

ХАРКЕР. Я бы, разумеется, с удовольствием, но...

ДРАКУЛА. Надеюсь, вы побудете здесь, сколько я пожелаю.

ХАРКЕР. О!

ДРАКУЛА. В замке вы можете ходить, где угодно, только не открывайте запертые двери. Да и не захотите вы увидеть то, что за ними.

ХАРКЕР. О!

ДРАКУЛА. Вы находите меня особенным.

ХАРКЕР. Нет, я только...

ДРАКУЛА. Если бы вы смотрели на мир моими глазами и обладали моими знаниями, вы бы, возможно, понимали.

ХАРКЕР. Я понимаю.

ДРАКУЛА. Нет, не понимаете. Мой путь – не ваш. Я не жажду ярких лучей горячего солнца. Мое сердце после стольких лет траура, боюсь, не настроено на веселье. Разве что вы, возможно, меня научите.

ХАРКЕР. Научу чему?

ДРАКУЛА (*после паузы*). Ничему. Шутка.

ХАРКЕР. Ха-ха.

ДРАКУЛА. Что-то вас рассмешило?

ХАРКЕР. Нет-нет.

ДРАКУЛА. Стены этого замка разрушены, но никто не заходит в него. У теней есть глаза. Я научился любить темноту и предпочитаю компанию своих мыслей, если есть такая возможность. Вы в это верите?

ХАРКЕР. Да, конечно.

ДРАКУЛА. Идиот.

ХАРКЕР. Простите...

ДРАКУЛА. В Англии у вас есть люди?

ХАРКЕР. Да. Очень много.

ДРАКУЛА. Я про родственников, людей одной с вами крови.

ХАРКЕР. Нет. Да. У меня есть жена. Мина. Мы женаты не так и давно. Год или два...

ДРАКУЛА. С датами у вас четкости нет. У меня тоже. Края веков теряются во мгле. Растворяются в ней.

ХАРКЕР. Я это заметил. (*ДРАКУЛА вскидывает брови*). Хотите взглянуть на ее фотографию?

ДРАКУЛА. Чью?

ХАРКЕР. Мины. Моей жены.

ДРАКУЛА. Да. Конечно. Очень хочу.

ХАРКЕР (*достает фотографию*). Вот. Я всегда вожу ее с собой. Она сделана несколькими годами раньше. (*В гостиной актрисы позируют для фотографии, как и в начале пьесы*). Мина справа, видите? (*Показывает ДРАКУЛЕ*).

ДРАКУЛА. Ага. А две другие?

ХАРКЕР. Слева – Люси. Кузина Мины. Моя кузина тоже. И моя жена мне кузина. Мы все родственники.

ДРАКУЛА. Обычное дело.

ХАРКЕР. За исключением Пег, разумеется.

ДРАКУЛА. Пег – необычная?

ХАРКЕР. Пег – не наша родственница. Она посередине. Служанка.

ДРАКУЛА. В вашей стране фотографируют служанок?

ХАРКЕР. Редко. Люси настояща. Мина и Пег с юных лет жили у родителей Люси. Люси их обожает. Девушек. Мы все обожаем. Друг дружку.

ДРАКУЛА. Они все красавицы, мистер Харкер.

ХАРКЕР. Каждая по-своему.

ДРАКУЛА. Вы кузен-счастливчик.

ХАРКЕР. Я знаю.

ДРАКУЛА. И больше всех вы любите свою жену.

ХАРКЕР. Мину. Да.

ДРАКУЛА. Но не остальных.

ХАРКЕР. Я бы так не сказал... Нет, я люблю их. Как подруг. Мы всегда были близки.

ДРАКУЛА. Меня зачаровывают говорящие на английском. Может, по приезде в Лондон, я буду иногда видеться с этими дамами.

ХАРКЕР. Надеюсь, что нет. Лондон – большой город.

ДРАКУЛА. И в нем много женщин.

ХАРКЕР. Да, но, тем не менее...

ДРАКУЛА. Двигаясь поступательно, приближаешься к концу. Двигаясь по кругу, видишь одно и то же. Но это такая банальность. Я вам наскучил.

ХАРКЕР. Нет, конечно, нет. Я просто...

ДРАКУЛА. Да. Премного благодарен вам за фотографию, мистер Харкер. Она всегда будет мне дорога.

ХАРКЕР. Послушайте, я не собирался...

ДРАКУЛА (*убирает фотографию в карман*). Вы очень добры. Говорящие на английском люди такие щедрые. Теперь я вас покидаю. (*Поворачивается, чтобы уйти*).

ХАРКЕР (*расстроенный потерей фотографии*). Минуточку, граф... (*ДРАКУЛА поворачивается и холодно смотрит на него. ХАРКЕР разом сникает*). Не желаете перед уходом выпить со мной стакан вина? (*ДРАКУЛА ему улыбается, улыбка кривая, не такая, чтобы веселая, качает головой, качает головой и ХАРКЕР, словно загипнотизированный ДРАКУЛОЙ, после чего ДРАКУЛА вновь поворачивается и уходит*). Он не пьет вино. Но что-то он должен пить. (*Воют волки. Он рассеянно берет куриную ножку*). Он забрал мою фотографию. (*Вой волков. ХАРКЕР в печали гложет ножку*).

Картина 5

(Гостиная. Фотография оживает. МИНА и ЛЮСИ на диване. ПЕГ собирается уйти, смотрится в зеркало. Тикают часы).

ЛЮСИ. Опять она крутится перед зеркалом.

ПЕГ. Я иду в парк.

МИНА. Пег любит ходить в парк.

ПЕГ. Я люблю смотреть, как играют дети.

ЛЮСИ. Она часто ходит в парк.

ПЕГ. Я люблю кормить голубей.

МИНА. Она кормит голубей.

ЛЮСИ. И она поводится с этим красивым иностранцем.

ПЕГ. Возможно, поводиюсь.

МИНА. Возможно, она поводится.

ПЕГ. Я можно сказать, думать о нем забыла, а ты напомнила.

ЛЮСИ. Ой ли, Пег. Я в это не верю. Мина тоже не верит.

МИНА. Наоборот. Я верю всему.

ЛЮСИ. Ничему ты не веришь.

ПЕГ. Не подшучивайте надо мной, пожалуйста. Пожалуйста, не надо. Я хорошо выгляжу?

ЛЮСИ. Ты бы пошла в парк, чтобы кормить детей, Мина?

ПЕГ. Так выгляжу я не очень?

МИНА. Нет. Разве что птичек.

ЛЮСИ. Я думала, ты ненавидишь птичек.

ПЕГ. Я выгляжу ужасно?

МИНА. Да кто ненавидит птичек?

ЛЮСИ. Другие птички.

ПЕГ. Может, мне никуда не ходить?

МИНА. Еще и дети.

ПЕГ. Может, мне остаться дома и полить цветы?

ЛЮСИ. Цветы засохли.

ПЕГ. Тогда я постираю.

МИНА. Постирать ты всегда успеешь.

ЛЮСИ. Выглядишь ты прекрасно, Пег. Иди. Мы хотим посмотреть, что будет с твоим красивым иностранцем.

ПЕГ. Ты думаешь, мне идти?

МИНА. Ты очаровательна, Пег. Иди.

ПЕГ. Я не очаровательна.

ЛЮСИ. Как мне хочется, чтобы у меня был красивый иностранец.

ПЕГ. У тебя есть доктор Сьюард.

ЛЮСИ. Я хочу красивого иностранца.

МИНА. Я встретила Джонатана в парке.

ПЕГ. Цветы не засохли.

МИНА. Я была в белом платье.

ЛЮСИ. Пег, ты так и не рассказала нам, как он выглядит.

МИНА. Оно пахло кладовой.

ЛЮСИ. Он высокий? Я люблю высоких мужчин?

МИНА. Я кровоточила.

ЛЮСИ. Сколько ему лет?

ПЕГ. Понятия не имею.

МИНА. Я не иду в парк.

ПЕГ. Я жалею, что упомянула его. Ты им одержима.

МИНА. Дети пищат и щебечут, как птицы.

ЛЮСИ. Им одержима Мина. Не я.

ПЕГ. Я больше ничего о нем не скажу. *(Короткая пауза)*. Думаю, он не очень старый, но выглядит зрелым. Трудно сказать, руки у него сильные и холодные. Я забыла покормить кошку.

МИНА. Кошка сдохла.

ЛЮСИ. Интересно. Он симпатичный?

ПЕГ. У него особенные глаза.

ЛЮСИ. Он косоглазый?

ПЕГ. Не позволю я подшучивать надо мной. Некрасиво это.

ЛЮСИ. Пожалуйста, Пегги, мы будем хорошие. Мы извиняемся. Мина извиняется, посмотри на нее. Расскажи нам о его глазах.

ПЕГ. Вы подумаете, что я глупая.

МИНА. Мы уже думаем, что ты глупая.

ПЕГ. Когда я смотрю на него, то не могу оторвать глаз.

ЛЮСИ. Я очень хочу увидеть его. Как и Мина.

МИНА. Нет у меня такого желания.

ПЕГ. Не хочу я, чтобы ты его видела.

МИНА. Она думает, что ты уведешь его у нее.

ЛЮСИ. Я бы этого не сделала. Не думаю я, что сделала бы. Ты бы возражала, если бы сделала?

ПЕГ. Да. Возражала бы. И еще как возражала бы. У тебя есть все, а у меня – ничего, и это несправедливо. Так что, да, я бы возражала. Я извиняюсь, и ты знаешь, как я тебя люблю, но я бы возражала. *(Начинает всхлипывать)*

ЛЮСИ. Ох, дорогая, не плачь, глупенькая. Я это несерьезно. Мина – та серьезно, а я нет. Мина, я же несерьезно, так?

МИНА. Это я несерьезно.

ЛЮСИ. Вы просто должны наблюдать за мной, чтобы понять, серьезно я или нет. Перестань всхлипывать, Пегги. Пожалуйста. *(ПЕГГИ плачет. ЛЮСИ подходит, обнимает ее)*. Знаешь, иногда я молюсь о том, чтобы проснуться уродиной. Тогда я смогу сказать, кто действительно меня любит. И я подозреваю, что все меня ненавидят. НЕ плачь, Пегги, мы тебя любим. Я думаю, что любим. Мина, что мне с этим делать?

МИНА. Ты можешь растолстеть. Обрить голову. Отрезать пальцы.

ЛЮСИ. НЕ думаю я, что хочу знать, кто меня любит. Вероятно, я их не люблю. Это будет так грустно. Не хочу я иметь дело с грустью. Присядь, Пегги, и согрей место между нами. *(Ведет ПЕГ к дивану, усаживает между собой и МИНОЙ)*. Вот. Так лучше?

МИНА *(берет ПЕГ за руку)*. Отрежем Люси пальцы, Пег?

ПЕГ *(держась за руки с обеими)*. Пожалуй, нет. Не сегодня. Они могут ей понадобиться.

ЛЮСИ. Ты такая милая, Пег. Разве Пег не милая?

МИНА. Очень милая.

ПЕГ. Это неправда.

ЛЮСИ. Просто хочется сжать ее до смерти.

ПЕГ. Кошка мертва?

МИНА. Такая жалость.

Картина 6

(СЬЮАРД и ВАН ХЕЛСИНГ на скамье в парке. Голуби).

СЬЮАРД. Вы думаете, он говорит правду?

ВАН ХЕЛСИНГ. Я думаю, такое возможно. Да, вполне.

СЬЮАРД. Но почему это так важно для него? Что это означает?

ВАН ХЕЛСИНГ. Есть у меня версия. Просто не хочу ее пока озвучивать. После ухода на пенсию я провел кое-какие исследования. Возможно, дело весьма серьезное, Джек.

СЬЮАРД. Исследования чего?

ВАН ХЕЛСИНГ. Кто этот Дракула? Зачем ему старые дома в Лондоне? Что он делает с ящиками, о которых говорил? И зачем ему понадобилась фотография?

СЬЮАРД. Может, он эксцентричный старик.

ВАН ХЕЛСИНГ. Я эксцентричный старик. Я не беру фотографий у незнакомцев и не покупаю старые дома, чтобы складировать в них ящики. Здесь есть какой-то замысел, зло действует целенаправленно, и все имеет значение, скрытое, как семечки в дыне. Мы не должны бояться взрезать дыню и посмотреть, что внутри. Ты покажешь себя настоящим ученым и без всякой предвзятости последуешь за фактами, куда бы они нас ни привели, так?

СЬЮАРД. Разумеется.

ВАН ХЕЛСИНГ. Какими бы пугающими не оказались последствия?

СЬЮАРД. Не уверен, что понимаю, куда вы клоните.

ВАН ХЕЛСИНГ. Мам надобно постоянно помнить о том, что должны доверять друг другу, Джек. Возможно, нам предстоит схватка с ужасным противником, победить которого мы сумеем только действуя сообща. Если мы предадим это доверие, в какой-то момент, если это сделает любой из нас, тогда погибнем мы оба. Ты встанешь со мной плечом к плечу?

СЬЮАРД. Да.

ВАН ХЕЛСИНГ. Ты клянешься?

СЬЮАРД. Хорошо. Я клянусь.

ВАН ХЕЛСИНГ. Благословляю тебя, сын мой. Бог любит честных и невинных, как своих детей. Он не всегда приглядывает за ними, как должно, но иной раз Бог занят своими Божьими делами, и тогда, думаю, мы должны время от времени помогать Ему. Да, должны, а теперь нам нужно пустить в ход наше секретное оружие.

СЬЮАРД. Какое оружие?

ВАН ХЕЛСИНГ. Очаровательную жену Харкера, Мину.

Картина 7

(Кабинет. ХАРКЕР сидит. Подходит МИНА, нервничает).

МИНА. Привет, Джонатан. *(Никакой реакции)*. Доктор Ван Хелсинг говорит, что ты хочешь меня видеть. *(Никакой реакции)*. К тебе относятся пристойно? Да, конечно. Нам очень тебя недостает. Люси просит передать тебя наилучшие пожелания. И Пег тоже. Они обе тебя любят. Тебе стало получше?

ХАРКЕР. Я ловил мух.

МИНА. Доктор Стюард говорит, что скоро позволит тебе приходить домой на одну или две ночи в неделю. Ты бы этого хотел? *(Пауза)*. Почему ты ловил мух?

ХАРКЕР. Ты находишь это особенным?

МИНА. Нет. Хотя, да, полагаю, но знаешь, отец всегда говорил, что я особенная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.